

УДК 811.161.1.(045)

В. П. Мусиенко, Кьонгок Чу

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ДИАЛОГ АВТОРА С НАУЧНЫМ СООБЩЕСТВОМ

В статье рассматривается явление интертекстуальности в научно-популярном тексте как путь включения авторской концепции в современное состояние исследуемой проблемы. Определена специфика исторического научного текста, обусловленная объектом исследования. Установлено, что в научно-гуманитарном дискурсе знание выступает в единстве с субъектом, языковой личностью. В настоящем исследовании была использована также концепция интердискурсивности, согласно которой знаками очуждения (или имплицитной цитации) считаются не только фрагменты чужих текстов, но и прецедентные имена, речевые формулы определенных исторических, культурных эпох. Проявление интердискурсивности проанализировано на материале книги «География этноса в исторический период» Льва Николаевича Гумилева (1912–1992), историка, автора оригинальной концепции этногенеза.

Показано, что автор избегает перегруженности текста цитациями, соблюдает баланс научности и разговорной простоты, умело сочетает эмоциональность и рациональность. Выбор способов включения инородных элементов подчинен главной задаче – достижению сотрудничества с читателем.

Ключевые слова: интертекстуальность, интердискурсивность, Л. Н. Гумилев, диалог, участники коммуникативной ситуации, научный дискурс, чужая речь.

Постановка проблемы. Научный дискурс по дихотомической типологии В. И. Карасика характеризуется как институциональный по двум системообразующим признакам: цель и участники общения [7]. Целью научного дискурса является «процесс вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения – логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстракцией предмета речи». Участниками научного дискурса являются «исследователи как представители научной общественности, при этом характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям... Клиенты научного дискурса четко очерчены только на его периферии. Это широкая публика, которая читает научно-популярные журналы и смотрит соответствующие телепередачи, с одной стороны, и начинающие исследователи, которые проходят обучение на кафедрах и в лабораториях, с другой стороны» [7, с. 10–13].

Специфика исторического научного текста обусловлена объектом исследования: историческая наука имеет дело скорее не с фактами, а с рассказами о фактах и их интерпретацией, что обуславливает его субъективизм и диалогизм.

В научно-гуманитарном дискурсе знание выступает в единстве с субъектом, языковой личностью.

Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) – историк, автор оригинальной концепции этногенеза. О влиянии его произведений на читающую публику свидетельствует хотя бы наличие специального сайта «Гумилевика».

Сила воздействия на читателя не в последнюю очередь обусловлена его манерой изложения. Чувство слова он унаследовал от родителей – известных русских поэтов Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Он был превосходным стилистом, мастером превращать историческое исследование в первосортный детектив. Свою роль сыграли и жизненные университеты: он дважды сидел в лагерях, начиная со студенческих лет, каждое лето проводил в экспедициях, воевал, преподавал, был лектором, занимался переводами (для заработка – вместе с матерью). Природный дар рассказчика, лектора и спорщика он развивал на симпозиумах, в экспедициях, в молодежных компаниях, в лагерях. Важным источником стилистического мастерства Гумилева была лекторская работа, причем он читал лекции офицерам на фронте, популярные лекции в клубах для заработка и, конечно же, студентам.

В 80-е годы он читает лекции в обществе «Знание». Залы на 750 мест были переполнены, за билетами стояли очереди. Математик А. Норин, по свидетельству С. Белякова («Гумилев сын Гумилева» [3, с. 533]), писал в университетской газете: «Лекции Гумилева в середине 70-х годов – начале 80-х годов были явлением не столько научной, сколько культурной жизни Ленинграда, явлением, формировавшим мировоззрение значительной части молодой питерской интеллигенции» [3, с. 533].

1981 году Л. Гумилев подготовил свой курс лекций для печати, но в издательстве «Наука» его не принимали к печати в силу расхождений с принятой в то время концепцией этноса. Книга была напечатана только в 1990 году под названием «География этноса в исторический период», именно это издание послужило материалом для нашего исследования. Это упрощенный вариант монографии «Этногенез и биосфера Земли» (1989 год). По утверждению знавших Л. Гумилева лично или слушавших магнитофонные записи его лекций, «со страниц как будто звучит подлинный голос Льва Николаевича». Как замечает С. Беляков, и противники Гумилева, и его сторонники, простые читатели и академики – все признают его блестящим писателем [3, с. 533].

Существенным для понимания научной коммуникации является положение Р. Якобсона о связи высказывания с контекстом (другими сообщениями). Любой научный текст предполагает наличие зоны, в которой пересекаются когнитивные поля коммуникантов – пресуппозиции.

Диалогизм исторического дискурса предполагает учет и сопоставление мнений участников коммуникативной ситуации – других исследователей, возможных оппонентов, читателей. Перед Л. Гумилевым стоит задача вписать свою концепцию в круг имеющихся мнений, поэтому обращение к другим мнениям, прецедентным текстам и их концептам не только важно, а просто необходимо [ср. 8, с. 4]. По этой причине интертекстуальность, или шире – интердискурсивность, пронизывает исторические тексты.

Цель статьи – исследование интертекстуальности как диалога автора с научным сообществом в контексте читательского восприятия.

Анализ последних исследований и публикаций. Категория интертекстуальности становится объектом теоретического осмысления во второй половине XX века в трудах Ю. Кристевой, которой приписывается авторство термина, Р. Барта, Ж. Деррида, хотя само явление, а точнее его составляющие, исследовались и ранее, особенно в русском языкознании [9; 1; 4].

Духовной предпосылкой такого внимания стало вхождение европейской цивилизации в эпоху постмодерна, важнейшими признаками которого является полифония, мозаичность, деконструктивизм, приоритет коммуникативности и отношений.

Теория интертекстуальности формируется как интеграция идей диалогичности художественного слова М. Бахтина, анаграмм Ф. де Соссюра, вертикального контекста О. Ахмановой, путем аккумуляции конкретных исследований цитаций, аллюзий, прецедентных имен, реминисценций, намеков, знаков «очуждения» и др. [2].

Существенное влияние на становление концепции интертекстуальности оказали такие исследователи, как Р. Якобсон, Д. Лихачев, В. Виноградов, Ю. Лотман, М. Бахтин, У. Эко, Ю. Найда, Г. Денисова, И. Арнольд, А. Леонтьев, М. Ямпольский и др. [5].

Изложение основного материала исследования. Сейчас явление интертекстуальности выполняет несколько функций, но для научного текста релевантна его способность интегрировать концепцию в метапространство определенного научного дискурса [6].

В нашем исследовании мы используем концепцию интердискурсивности, согласно которой знаками очуждения (или имплицитной цитации) считаются не только фрагменты чужих текстов (интертекстуальность), но и прецедентные имена, речевые формулы определенных исторических, культурных эпох.

Необходимо отметить, что автор, обращаясь к какому-либо историческому событию, редко дает отсылку на исторические свидетельства (обычно, в конце раздела). Он замечает, что оперирует фактами, которые известны историкам, а также тем читателям, которые заинтересовались его книгой. Таким образом, интертекстуальность – это по преимуществу диалог с учеными.

В тексте нами зафиксированы прямые цитаты, отсылки к трудам других ученых, пересказ иных мнений и документов, штампы, слоганы, прецедентные имена, аллюзии, намеки, знаки культуры. Интердискурсивность в тексте эксплицитная и имплицитная.

Ученый использует инородные элементы:

а) как отправную точку в рассуждениях, напр.: *Классики марксизма ленинизма нас учат, что человек развивается сообразно с развитием производительных сил* (10); *Рас, по*

В. П. Васильеву, шесть (13); *Популяция (цитирую учебник биологии)* – «это сумма особей, живущих в одном ареале и беспорядочно между собой скрещивающихся» (11);

б) для подтверждения своей мысли, напр.: *У нас в Советском Союзе вышла замечательная книга – это посмертная работа В. И. Вернадского «Химическое строение биосферы Земли ее окружения», где эта самая форма была описана (30); По сути дела открытие И. С. Пригожина есть обоснование принципа защиты окружающей среды, ибо оптимальна дружба с природой, а не победа над ней (249); Бергман предложил определение вида как открытой системы (26);*

в) в ходе дискуссии с другими мнениями, напр.: *Но даже ученые-эмпирики не имеют права на согласие с тезисом Ю. В. Бромлея, ибо он нарушает закон сохранения энергии (30); Однако существует иная точка зрения: «Социальные факторы, образующие этнос, этническое самосознание в том числе, ведут к появлению сопряженной с ним популяции, т. е. перед нами картина прямо противоположная той, которую дает Л. Н. Гумилев». Таким образом, дискуссия идет о том, лежит ли бытие в основе сознания или, напротив, сознание в основе бытия. Действительно при такой постановке вопроса предмет для спора есть. Разберемся.*

Ю. В. Бромлей имеет право выбрать для своего логического построения любой постулат, даже вполне идеалистический, согласно которому реальное бытие этноса не только определяется, но и порождается его сознанием. Правда, он рискует оказаться в положении Тейяра де Шардена, которого отвергли и французские коммунисты, и католики. Ситуация аналогична. Акт творения материальной реальности приписан человеческому сознанию, поставленному выше Творца мира или на его место. С таким не согласятся католики. А философы-материалисты не примут тезиса о первичности сознания (30);

г) для введения читателя в общенаучный контекст: *Таковы работы В. И. Вернадского (в том числе «Биосфера», «Химическое строение биосферы Земли ее окружения»), Л. С. Берга («Климат и жизнь», «Номогенез»), Н. И. Конрада («Запад и Восток»), А. Тойнби, О. Шпенглера и др. (7).*

Введение чужой речи в свой текст не только оживляет монолог автора, но и, прежде всего, формирует оценку, так как цитаты часто приводятся с оценкой, напр.: *После второй мировой войны появилось одно замечательное открытие, правда, не у нас, а в Америке, но принято оно у нас на вооружение тоже полностью. Это то, что называется системным анализом. Автор его, Лео фон Бергман – американец немецкого происхождения, биолог Чикагского университета. В 1937 г. на философском семинаре он выступил с докладом о системном подходе для определения понятия вид. Доклад был совершенно не понят, и автор «сложил все свои бумаги в ящик стола». Потом он уехал воевать. К счастью, его не убили. Вернувшись в Чикаго, он достал свои старые записки, повторил свой старый доклад и обнаружил совершенно новый интеллектуальный климат. А что же он предложил? ... Бергман предложил определение вида как открытой системы (25).*

Поскольку Л. Гумилев стремится, чтобы читатель думал, как автор, он часто объясняет смысл привлеченного фрагмента или идеи. Например, цитируя стихотворение своего отца: «Убивая и воскрешая, набухать вселенской душой – в этом воля земли святая, непонятная ей самой», он замечает: *Теперь название этой вселенской души мы знаем; это – биохимическая энергия живого вещества биосферы (31).*

Л. Гумилев также использует прием пересказа устной беседы, не зафиксированной в публикациях, напр.: *Говорил я об этом с профессором Мавродиным – специалистом по этим вопросам, и он спросил: «А как же это объяснить с точки зрения демографии? Как же они могли так быстро размножиться, потому что это произошло за какие-нибудь 150 лет?» – Да это очень просто, эти праславяне, захватывая новые территории, очевидно, не очень стесняли себя в отношении побежденных женщин, а детей они любили и воспитывали их в знании своего языка, с тем чтобы они могли добиться высокого положения в своих племенах. Ведь при таком процессе много мужчин не требуется. Важно, чтобы было много побежденных женщин, и демографический взрыв будет обеспечен. Так оно, видимо, и произошло (48).*

Традиционных отсылок в работе не так много. Они даны по разделам в конце текста.

Особо интересны примечания. В большинстве случаев примечания снабжены отсылками к источникам, напр.: *18. Кумарилла восстановил учение о личном Боге и Создателе около 750 г. (Беттани и Дуглас. Великие религии Востока. М., 1899. С. 75) (254).*

В кругу примечаний выделяются два типа. Во-первых, это справочные сведения, которые, по мнению Л. Гумилева, могут понадобиться широкому читателю, напр.: *Шанкара, ученый брамин шиваистский поэт (см.: История Индии в средние века. М., 1968. С. 198), выдающийся мыслитель 8 в., основатель многих сект и философского учения – веданты (см. Чаттерджи С., Дата Д. Введение в индийскую философию. М., 1955. С 53–58; 289–347) (254).*

Второй тип – это просто интересные сведения по поводу того или иного факта или исторической личности, например, сноски к положению: *Папа Иоанн 12 был сатанистом, император Генрих 4 – тоже.*

Примечание: *Императора Генриха 4 погубила откровенность его жены – Евпраксии Всеволодовны, которую Генрих побуждал к участию в тайных оргиях – «черных обедах». Русская женщина не стерпела немецкого кощунственного разврата и убежала в Каноссу, откуда папа (зафиксировав ее показания и дав отпущение) князю под надежным конвоем отправил домой в Чернигов. Там она постриглась в монахини и скончалась 9 июля 1109 г.* (Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968. – с. 126–127).

В примечаниях Л. Гумилева наблюдается склонность к превращению текста из справочного в текст для чтения.

Паспортизация включений, обязательная для классического научного труда, у Гумилева необязательна – часто он лишь указывает, что это чужое мнение, напр.: *Человечество, существующее на Земле совсем немного, каких-нибудь 30–40 тыс. лет, тем не менее произвело на ее поверхности перевороты, которые В. И. Вернадский приравнивал к геологическим переворотам малого масштаба* (9).

Интересен прием номинации источника мысли, положения как неопределенного или обобщенного. Напр.: *Какова разница между этносами? Некоторые говорят, что никакой разницы нет* (11); *Раз люди делятся на этносы, рассуждают этнографы, то и это тоже явление общественное* (10).

В Заключении Гумилев даже вводит позицию обобщенных представителей наук, так или иначе связанных по роду деятельности с этнической концепцией, чтобы уяснить точки противостояния. Это *философ, археолог, географ, антрополог, историк, филолог, криминалист и даже научный сотрудник как таковой* (233–250). Все они задают автору вопросы от имени своей науки, высказывают сомнения, которые снимаются автором.

Интердискурсивность в тексте призвана вписать авторскую концепцию в современное состояние рассматриваемой проблемы.

Выводы и перспективы дальнейших научных исследования. Проявление интердискурсивности в анализируемом тексте несет на себе обаяние гумилевского слога. Автор избегает перегруженности текста цитациями, соблюдает баланс научности и разговорной простоты, умело сочетает эмоциональность и рациональность. Выбор способов включения инородных элементов также подчинен главной задаче – достижению сотрудничества с читателем. Перспективы дальнейших исследований усматриваем в экспериментальном психолингвистическом исследовании восприятия явления чужого слова в тексте Л. Гумилева сквозь призму научной убедительности.

Список использованной литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт : Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
3. Беляков С. С. Гумилев сын Гумилева : [биография Льва Гумилева] / С. С. Беляков. – М. : АСТ, 2013. – 797 с.
4. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля // Ж. Деррида / Пер. с фр. С. Г. Кашиной и Н. В. Сулова ; Серия Gallicinium. – СПб. : Алетейя, 1999. – 208 с.
5. Ильин И. И. Интертекстуальность / И. И. Ильин // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины : энциклопедический справочник. – М., 1999. – [База данных по интертекстуальности. – Philolog.ru](http://Philolog.ru) philolog.petsu.ru/filolog/intertex.htm
6. Имшуратов А. Т. Логико-когнитивный анализ онтологии дискурса А. Т. Имшуратов // Рациональность и семиотика дискурса. – К. : Наукова думка, 1994. – С. 171–182.
7. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
8. Кожина М. Н. Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста / М. Н. Кожина // Очерки научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. – Т. 2 : Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. – Пермь, 1998. – С. 124–195.
9. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник МГУ. – Сер. 9 : Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–124.

Источник

Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Л. : Наука, 1990. – 289 с.

В. П. Мусяєнко, Кьонгок Чу

Інтертекстуальність як діалог автора з науковою спільнотою

У статті проаналізовано явище інтертекстуальності в науково-популярному тексті як шлях включення авторської концепції в сучасний стан досліджуваної проблеми. З'ясовано специфіку історичного наукового тексту, зумовлену об'єктом дослідження. Установлено, що в науково-гуманітарному дискурсі знання постає в єдності із суб'єктом, мовною особистістю. У дослідженні використано також концепцію інтердискурсивності, згідно з якою знаками очуження (або імпліцитної цитації) постають не тільки фрагменти чужих текстів, а й прецедентні імена, мовні формули деяких історичних, культурних епох. Вияви інтердискурсивності проаналізовано на матеріалі книги «География этноса в исторический период» Льва Миколайовича Гумільова (1912–1992), історика, автора оригінальної концепції етногенезу.

Зазначено, що автор уникає перевантаженості тексту цитаціями, дотримується балансу науковості та розмовної простоти, уміло поєднує емоційність і раціональність. Вибір способів уведення чужорідних елементів підпорядкований основній меті – досягненню співпраці з читачем.

Ключові слова: інтертекстуальність, інтердискурсивність, Л. М. Гумільов, діалог, учасники комунікативної ситуації, науковий дискурс, чужа мова.

V. P. Musiienko, Kyungok Chu

Intertextuality as a Dialogue of an Author and Scientific Community

The article considers the phenomenon of interdiscourse of popular science text as a way to include the author's conception to the modern state of the investigated problem. The specific character of historical scientific text stipulated by the object of the research is determined. In scientific humanitarian discourse, knowledge is found to act in unity with a subject, language personality. The concept of intercourse is used in the research. According to the concept, the signs of alienation (or implicit citation) are considered to be not only the fragments of another texts but also precedent names, the speech formulas of certain historical cultural ages. The demonstration of interdiscourse is analyzed on the material of the book «Ethnos Geography in Historical Period» by, L. N. Gumiliev (1912–1992), a historian, the author of the original conception of ethnogenesis.

The author is found to avoid overloading the text with citation, to follow the balance of scientific and speaking character, to combine emotional and rational features. The choice of the ways to include other elements is subordinated to the principle goal of achieving the cooperation with a reader.

Key words: intertextuality, interdiscourse, L. N. Gumiliev, dialogue, the participants of the communicative situation, scientific discourse, other speech.

УДК 81-25

A. G. Golodov

DAS PROBLEM DER KLASSIFIKATION DER WORTKREUZUNGEN (am Material der politischen Publizistik)

Im vorliegenden Artikel wird das Problem der strukturellen Klassifikation der Wortkreuzungen nach Typen und Modellen (Modellieren) aufgeworfen. Die Wortkreuzungen werden nach Typen strukturiert, dabei kann jeder Typ verschiedene Modelle einschließen. Die Wortkreuzung (Kontamination) ist verbale Reaktion auf aktuelle, wichtige Ereignisse, Krisensituationen und auch auf besonders interessante Episoden im politischen, gesellschaftlichen und sportlichen Bereich. Kontamination ist eine Art des Wortspiels und gleichzeitig eine Art der hoch entwickelten deutschen Wortbildung. Der deutsche Sprachbau begünstigt solche Wortspiele. Kontamination dient als Mittel der Schaffung des Komischen und gleichzeitig zur Einschätzung der Aussage. Strukturell ist in beiden Sprachen das Modell 2 (Varianten a + b) am gebräuchlichsten (Dabei geht es um Hybride – Anleimung des Segmentes eines Wortes mit einem ganzen Wort). Bestimmte Unterschiede lassen sich auch in Bezug auf die Semantik der Kontaminationen im Deutschen und Russischen feststellen. Expressiv sind russische Kontaminationen schärfer und stärker satirisch ausgeprägt als die deutschen, was extralinguistische Ursachen hat.

Schlüsselwörter: Wortkreuzungen, Typen und Modelle, Wortspiel, politische Sprache, Wortbildung, Expressivität, Einschätzung.

Problemstellung. Die Wortkreuzung (Kontamination) ist verbale Reaktion auf aktuelle, wichtige Ereignisse, Krisensituationen und auch auf besonders interessante Episoden im politischen,